

Женевская школа рассматривает язык как систему взаимосвязанных синхронных противопоставлений. Естественно поэтому, что, подчеркивая асимметрический дуализм языковой системы, эта школа подняла вопрос о важности понятия „нуля“ для анализа языка.

Согласно основному положению Ф. де Соссюра¹, язык довольствуется противопоставлением наличия признака его отсутствию, и именно это „отсутствие“, противопоставленное „наличию“, иначе говоря, нулевой знак, послужило отправной точкой для развития ряда плодотворных идей Шарля Балли. Мы имеем в виду прежде всего его глубокие работы „Нулевая связка и связанные с ней явления“² и „Нулевой знак“³, которые привлекли внимание к роли нулевого знака не только в морфологии, но и в синтаксисе, не только в грамматике, но также и в стилистике. Желательно продолжить исследования в этом направлении.

Нулевое окончание в склонении современных славянских языков — широко известное явление. Например, в русском языке форма именительного падежа единственного числа *супруг* противопоставляется всем остальным формам того же слова (род. и вин. *супруга*, дат. *супругу*, твор. *супругом* и т. д.)⁴.

* R. Jakobson, *Signe zero*. — См. „Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally“. Genève, 1939. Перепечатано в: „Roman Jakobson. Selected Writings“, t. II. The Hague — Paris: Mouton, 1971, p. 211. Авторизованный перевод. — Прим. ред.

¹ „Курс общей лингвистики“, 1922, с. 124. [Русск. перевод см. в кн.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Перев. с франц. яз. под ред. А. А. Холодовича. М., „Прогресс“, 1977, с. 119. Далее цитируется по русскому изданию.]

² BSL, XXIII, 1922, p. 1.

³ Ch. Bally. *Linguistique générale et linguistique française*. Paris, 1932. [Русск. перевод: Ш. Балли. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Перев. с франц. Е. В. и Т. В. Вентцель. М., ИЛ, 1955, с. 177 и сл. Далее цитируется по русскому изданию.]

⁴ Поскольку анализируемые явления должны рассматриваться в связи со всей системой какого-то одного языка, я пользуюсь в этой работе примерами из моего родного языка.

Почти во всех парадигмах русского существительного среди падежных форм имеется одна-единственная форма с нулевым окончанием. Там, где родительный множественного числа и именительный единственного ранее имели форму с нулевым окончанием, родительный множественного во избежание омонимии принял положительное окончание *-ов* (*супругов*) или *-ей* (*коней*). Нулевое окончание формы родительного падежа множественного числа осталось только в тех существительных, где тем или иным способом различаются формы родительного множественного и именительного единственного, будь то окончание (им. п. ед. ч. *жена, село* — род. п. мн. ч. *жён, сёл*), место ударения (им. п. ед. ч. *во́лос* — род. п. мн. ч. *волóс*), словообразовательный суффикс (им. п. ед. ч. *боярин* — род. п. мн. ч. *бояр*) или же состав синтагмы, где употребляется данная падежная форма (им. п. ед. ч. *аршин* — род. п. мн. ч. *аршин*: „столько-то аршин“).

Нулевое окончание (или нулевая ступень), противопоставленное наличию некоторой фонемы в грамматических чередованиях (например, в русском языке род. п. *рта* — им. п. *рот*), в точности соответствует определению Ш. Балли: «знак, имеющий определенную значимость, но не воплощенный в реальных звуках»¹. Язык довольствуется противопоставлением наличия некоторого признака его отсутствию не только в плане означающих, но также и в плане означаемых².

2. В единственном числе парадигма *бог, супруг* систематически противопоставляется парадигме *нога, супруга*. В то время как первая из этих парадигм однозначно указывает на определенную грамматическую категорию, а именно не-женский род, члены второй парадигмы могут равным образом относиться к женскому и мужскому роду: существительные мужск. рода *слуга*, общего рода *недотрога* склоняются так же, как существительные женского рода *нога, супруга*. Ни одно из окончаний косвенных падежей парадигмы *бог, супруг* не может принадлежать существительным женского рода, а что касается формы именительного падежа этой парадигмы, то, строго говоря, ее нулевое окончание указывает на мужской род только в основах на твердую согласную, тогда как в основах на мягкую согласную или шипящую нулевое окончание может принадлежать равным образом существительным мужского рода (*день, муж*) и женского рода (*дань, мышь*).

Как отмечалось выше, парадигма *бог, супруг* указывает на не-женский род, иначе говоря, на мужской или средний. Эти два рода различаются только в именительном падеже, а также и в винительном, если его форма совпадает с именительным. В именительном падеже нулевое окончание в точности указывает на не-средний род, а окончание *-о* и соответствующий ему безударный звук может принадлежать как среднему роду, так и мужскому (ср. р. *топорище* ‘ручка топора’, муж. р. *топорище* — увеличительное от *топор*).

¹ BSL, 23, p. 3; ср. R. Gauthiot. Note sur le degré zéro.— In: „Mélanges linguistiques offerts à A. Meillet“. Paris, 1902, p. 51 sqq.

² Проблема нулевого значения рассматривалась в нашей брошюре „Новейшая русская поэзия“. Прага, 1921, с. 67.

Итак, что касается противопоставления по роду, парадигма *нога, супруга* лишена различительной способности. С точки зрения рода члены данной парадигмы имеют определенную морфологическую форму, но она лишена функциональной значимости. Это форма с *нулевой морфологической функцией*. Сравнивая две формы именительного падежа *супруг* и *супруга*, мы видим, что в данном случае форма с нулевым окончанием является носителем положительной морфологической функции, в то время как ненулевое окончание с точки зрения различения по роду обладает только нулевой морфологической функцией.

Каково общее (грамматическое) значение категории рода в русском языке? Женский род указывает на то, что если означаемое является одушевленным или может мыслиться как одушевленное, то соответствующее лицо безусловно принадлежит к женскому полу (*супруга* всегда обозначает женщину). В противоположность этому общее значение мужского рода таково, что оно не содержит обязательного указания на пол: *супруг* может означать 'муж' (в узком смысле), но также и в более общем смысле — 'любой из супругов' (*оба супруга, один из супругов*). Ср.: *товарищ* (мужского рода, но в данном случае — женского пола) *Нина* (женского рода, женского пола) — *зубной врач* (мужского рода, в данном случае — женского пола).

Таким образом, если противопоставляются общие значения двух грамматических родов, то мужской род выступает как категория с *нулевым значением*. Здесь опять мы встречаемся с самым настоящим хиазмом: формы с нулевой грамматической функцией (типа *супруга*) обозначают род с положительным значением (женский) и, наоборот, формы с положительной морфологической функцией (типа *супруг*) характеризуют род с нулевым значением (мужской).

Функционирование системы языка, как я пытался однажды показать¹, основано именно на „противопоставлении некоторого факта ничему“, то есть, согласно терминологии формальной логики, на *контрадикторном* (противоречащем) *противопоставлении*.

Так, например, именная и глагольная системы могут быть представлены в виде бинарных противопоставлений, где один из членов указывает на наличие определенного признака, а другой (беспризнаковый, немаркированный, нулевой член) — не указывает ни на наличие признака, ни на его отсутствие. Например, в русском языке совершенный вид глагола указывает на абсолютную законченность действия, по противопоставлению с несовершенным видом (нулевым видом), который не затрагивает вопроса о временной границе действия. Несовершенный вид *плавать, плыть* противопоставляется совершенному *приплыть, доплыть, поплыть* (здесь начало действия представлено как законченный акт), *поплавать, наплаваться, понаплавать*. Определенный вид (*aspect déterminé*, по терминологии С. Карцев-

¹ „Zur Structur des russischen Verbums“. — In: „Charisteria G. Mathesio quinquagenario“, 1932, p. 74 sqq.; „Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre“. — In: „Travaux du Cercle Linguistique de l'rague“, VI, p. 240 sqq. [см. наст. изд., с. 133 и сл.]

ского) указывает на действие, рассматриваемое как единичный акт: *плыть* — 'находиться в процессе плавания', — тогда как неопределенный вид (нулевой) об этом ничего не говорит: *плавать* в зависимости от контекста может означать и единичный акт (*пока я плаваю, он сидит на берегу*), и повторяющееся действие (*я часто плаваю*)¹, не совершившееся действие (*я не плавал*), способность к действию при отсутствии реализации самого действия (*я плаваю, но не приходится*) и, наконец, действие, относительно которого неизвестно, совершалось оно однократно, многократно или вообще не совершалось (*ты плавал?*). *Плавать* — это глагол несовершенного и неопределенного вида. Он обладает, таким образом, двумя нулевыми признаками вида. Но русский глагол не может иметь два положительных видовых признака, и поэтому противопоставление глаголов „определенного“ и „неопределенного“ вида возможно только в пределах несовершенного вида. Брэндалл отметил, что язык избегает чрезмерной сложности морфологических структур и что зачастую формы, сложные в отношении выражения одних категорий, оказываются относительно простыми в отношении других категорий².

Действительно, в русском языке настоящее время (нулевое) указывает на различие по лицам, в противоположность прошедшему, которое не различает формы лица: единственное число (имеющее нулевой знак числа) указывает на различие в роде, которое полностью снято во множественном числе. И все же, ограничивая „совмещение означаемых“ (термин и понятие, введенные Ш. Балли)³, грамматическая система никоим образом его не исключает. Дательный падеж и творительный противопоставлены винительному и именительному и указывают на периферийное положение означаемого в содержании высказывания, и с точки зрения данного противопоставления винительный и именительный — это нулевые падежи. Но, с другой стороны, и дательный и винительный показывают, что объект испытывает действие, и тем самым противопоставляются творительному и именительному падежам, которые уже с точки зрения этого противопоставления являются нулевыми падежами. Получается, что дательный падеж совмещает два грамматических значения, из которых одно — общее с винительным падежом, другое — с творительным. Именительный падеж функционирует как абсолютный нулевой падеж и различает, согласно принципу компенсации Брэндалла, мужской и средний род, тогда как косвенные падежи (признаковые, маркированные (*caractérisés*)) этих родов не различают.

Различие между именительным и винительным падежами полностью выявляет произвольный характер отношения между «противопоставлением чего-то ничему» в плане означаемых и противопоставлением того же типа в плане означающих. В языке существуют все три возможных случая такого соотношения: 1. Нулевому падежу соот-

¹ Ср.: *я часто плаваю и думаю*.

² См. журн. „Slovo a slovesnost“, 3 с. 256.

³ Ш. Б а л л и. Цит. соч., с. 115.

ветствует нулевое окончание: им. *супруг* — вин. *супруга*. 2. Обратное соотношение (ср. упомянутые выше хиазмы): им. мн. *господá* — вин. мн. *господ*. 3. Ни один из падежей не имеет нулевого окончания: им. *слуга* — вин. *слугу*.

Означаемые могут быть противопоставлены по принципу «наличие признака — отсутствие признака» не только в грамматике, но и в лексике. Один из двух синонимов может отличаться от другого наличием у первого некоторого дополнительного значения. Так, русские синонимы *девушка* и *девица* различаются тем, что первый из них имеет также значение 'девственница', и поэтому их нельзя поменять местами во фразе: *Она девица, но уже не девушка* (в значении 'она не замужем, но уже не девственница'). Точно так же в паре чешских синонимов *mám rád* (ср. нем. *ich habe gern*) и *miluji* (*ich liebe*) нулевым синонимом является именно первый из них: можно сказать *mám rád šunku* 'я люблю ветчину' и *mám rád rodiče* 'я люблю своих родителей', но глагол *miluji* добавляет значение страстного чувства, и во фразе *miluji šunku* он воспринимался бы в переносном смысле.

Аналогично обстоит дело, например, в случаях употребления существительного женского рода для обозначения лица мужского пола: «он — настоящая мастерица». Это подлинная замена знаков, метафора, в то время как обратный случай: «она — настоящий мастер» — всего лишь употребление общего, родового термина вместо более узкого «мастерица». Однако это тоже гипостаз, хотя и в значительно меньшей степени, так же как, в сущности, гипостазом является настоящее историческое (*praesens historicum*) или единственное число, употребленное в родовом значении (*le singulier générique*). Маркированный знак указывает на наличие А („мастерица“), противопоставленный ему нулевой знак не указывает ни на наличие, ни на отсутствие А (ни А, ни не-А). Нулевой знак, таким образом, правильно употреблен там, где А и не-А не различаются («тут было семь мастеров, в том числе две мастерицы»), а также там, где надо обозначить не-А («тут было пять мастеров (не-А) и две мастерицы (А)»). Гипостаз же имеет место тогда, когда нулевой знак служит именно для обозначения А: «она — настоящий мастер».

Шарль Балли обоснованно рассматривает многообразную игру гипостаза как существенное явление в структуре языка ¹. Е. Курилович подчеркнул важную роль, которую гипостаз играет в синтаксисе, когда мотивированное и специфическое употребление слов противопоставляется их основной, первичной функции ²: «Функция эпитета — это первичная функция прилагательного». Прилагательное-эпитет указывает, таким образом, на *нулевой гипостаз*, противопоставляемый различным гипостатическим транспозициям — например, прилагательному в функции подлежащего („далекое пленяет нас“) или прилагательному в функции дополнения („сейте разумное, доб-

¹ Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 181.

² См. „Dérivation lexicale et dérivation syntaxique“. — BSL, 37, p. 79 sqq. (Ср. также цит. выше мою работу в „Travaux...“, VI, с. 252 и сл. и с. 274.)

рое, вечное"). Во фразе *deus bonus est* прилагательное-предикат имеет внешний знак транспозиции, в то время как конструкция *deus bonus* представляет собой гипостаз в чистом виде¹.

3. В языках, где конструкция с опущением связки является единственно возможной, как, например, в русском, отсутствие связки в конструкциях типа *изба деревянная* воспринимается по противопоставлению с *изба была деревянная* и *изба будет деревянная* как нулевой знак связки по форме и настоящее время глагола по функции. Но в латыни и других языках, где конструкции со связкой и без нее представляют собой стилистические варианты, ощущение связки во фразах типа *deus bonus* воспринимается по противопоставлению с *deus bonus est* как нуль связки по форме и признак экспрессивного стиля по функции. Наличие же связки, наоборот, воспринимается с точки зрения функции как *нуль выразительности*. Нулевой знак такого типа в латинском языке имеет стилистическую значимость. Последнее имеет в виду Балли, говоря о подразумеваемом знаке, основанном на существовании двух параллельных конструкций, когда предполагается возможность выбора нужного варианта говорящим². Рядом с нулевым знаком, имеющим грамматическое значение, и подразумеваемым знаком Балли³ ставит эллипсис, который он определяет как «повторение или антиципацию элемента, который необходимо присутствует в контексте или подсказывается ситуацией»: «Мы склонны понимать эллипсис скорее как „подразумевание“ анафорических элементов, которые „репрезентируют“ контекст, или же дейктических элементов, которые „презентируют“ ситуацию»³. Так, на вопрос *Что делал дядя в клубе?* можно ответить, выбрав одну из двух параллельных конструкций — с „эксплицитным репрезентантом“: *Он там обедал*, или с „имплицитным репрезентантом“: *Обедал*. Таким образом, эллипсис — это *нулевой анафорический (или дейктический) знак*. Когда имеется выбор между двумя формами высказывания, одинаковыми по понятийному содержанию, такие формы никогда не бывают действительно эквивалентными. Обычно они образуют следующее противопоставление: с одной стороны, экспрессивный тип, составляющий одно целое с данной ситуацией или вызывающий воображаемую ситуацию в языке искусства, и, с другой стороны, тип с нулевой экспрессивной и дейктической значимостью. В русском языке, например, имеется прямой порядок слов, противопоставляемый разного рода инверсиям. Так, порядок слов, при котором сказуемое стоит после подлежащего и перед прямым дополнением, а эпитет предшествует имени, является нулевым. *Люди умирают* — это обобщенное высказывание. В противоположность ему высказывание *умирают люди* воспринимается как указание на определенный контекст или ситуацию или как эффективная реакция.

¹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка, с. 184, и BSL, XXIII, 1922, р. 2.

² BSL, XXIII, 1922, р. 4 sqq.

³ Ш. Балли, Цит. соч., с. 175 и сл.

Эксплицитный язык научных утверждений допускает только *нулевой порядок слов*: *Земля вращается вокруг Солнца*. Напротив, повседневная речь — по преимуществу имплицитная — создает такие сочетания, как *вертятся дети вокруг елки, вокруг елки вертятся дети, вокруг елки дети вертятся, дети вокруг елки вертятся*. В случае оппозиции с нулевым порядком эти конструкции указывают на некую отправную точку, мотивированную контекстом или ситуацией (внеязыковым контекстом), тогда как нулевой порядок слов об этом ничего не сообщает. Однако там, где морфологические средства не вполне точно указывают на синтаксическую функцию слов, нулевой порядок слов является единственно возможным и имеет чисто грамматическое значение. Таков, например, случай, когда винительный падеж совпадает с именительным (*мать любит дочь, дочь любит мать*) или именительный (мн. ч.) с родительным (*дочери приятельницы, приятельницы дочери*) или когда прилагательное выступает в функции существительного (*слепой сумасшедший, сумасшедший слепой*).

В русском языке имеется два стилистических варианта для выражения мысли „я еду в машине“: *я еду* (с личным местоимением) и *еду* (без него). То же в чешском: *já jedu* и *jedu*. Однако между двумя языками есть большая разница: в русском языке в результате опущения вспомогательного глагола и глагола-связки в настоящем времени роль их личных окончаний должна была перейти к личному местоимению и сделать его употребление более обобщенным. Вследствие этого в русском языке „нормальной“ является двучленная конструкция, в то время как вариант с нулевым подлежащим стилистически окрашен¹. В чешском же, напротив, нуль выразительности соотносится с нулевым подлежащим, а экспрессивность — с конструкцией *já jedu*. Первое лицо подчеркнуто наличием местоимения, что с грамматической точки зрения является плеоназмом. Излишнее употребление этого местоимения в чешском языке производит впечатление напыщенности стиля; в противоположность этому в русском именно слишком частое опущение местоимения первого лица воспринимается Достоевским как раздражающая чванливость („Крокодил“).

4. Как указывает Балли, существует параллелизм между фонологической системой и системой языка в целом. Корреляции фонем основаны на противопоставлении наличия некоторого фонического признака его отсутствию, или *нулевому признаку*². Так, *t*, *s*, *p* и проч. отличаются от соответствующих мягких согласных *t'*, *s'*, *p'* и проч. отсутствием твердости, и те же фонемы отличаются от *d*, *z*, *b* и проч. отсутствием звучности. Это отсутствие имеет тот же характер, что и прочие виды нулевого знака в области грамматики, рассмотренные выше, и объединяет их тот факт, что речь идет не просто о нуле,

¹ S. K a r c e v s k i. *Système du verbe russe*. Prague, 1927, p. 133; R. J a k o b s o n. *Les enclitiques slaves*.— In: „Atti del 3 Congresso Internazionale dei linguisti“, 1935, p. 388 ff.

² III. Б а л л и. Цит. соч., с. 31 и сл., с. 181; „Travaux...“, p. 314—321.

но о нуле, противопоставляемом в пределах фонологической системы определенным положительным явлениям. Еще Соссюр выявил роль контрадикторных оппозиций в фонологии, приводя в качестве примера противопоставление носовых и ртовых гласных, где «отсутствие носового резонанса столь же значимо для характеристики фонем, как и наличие его»¹.

Анализируя фонему *s* в русском языке в ее отношениях с другими фонемами, мы видим, что положительные признаки этой фонемы не входят ни в какую контрадикторную оппозицию, то есть что наличие этих признаков никогда не противопоставляется их отсутствию. Помимо этих признаков, фонема *s* обладает только нулевыми признаками. Напротив, фонема *z'* имеет ряд положительных фонологических признаков, поддающихся точному анализу, по противопоставлению с отсутствием тех же признаков в коррелирующих фонемах (к признакам фонемы *s* здесь добавляется звонкость и мягкость).

Таким образом, здесь мы имеем случай фонологического совмещения, соответствующий совмещению означаемых (*sumul des signifiés*), как его трактует Балли. Принцип компенсации, установленный Брёндалем для морфологии и ограничивающий совмещение означаемых, также находит существенные аналогии в структуре фонологических систем.

Корреляция состоит из нескольких пар фонем, причем во всех этих парах содержится, с одной стороны, противопоставление наличия данного признака его отсутствию и, с другой стороны, общий субстрат (общая основа). Например, в русском пара *z' — z* содержит противопоставление мягкости и ее отсутствия и общий субстрат „звонкая щелевая свистящая“. Однако этот общий субстрат может отсутствовать в одной из пар, и тогда одна из фонем, имеющая данный признак, противопоставляется просто отсутствию фонемы (или нулевой фонеме). Например, как справедливо утверждает Мартине, в соответствии с результатами структурного анализа в корреляцию придыхания, характерную для датского консонантизма, необходимо ввести оппозицию: наличие — отсутствие придыхания /*h*/ перед гласным в начале слова². Так же и в русском языке, корреляция мягкости противопоставляет фонему *j* нулю (наличие — отсутствие йотации перед гласным в начале слова). В словах русского языка перед гласным *e* может стоять только мягкая согласная фонема, но не соответствующая твердая; перед *e* может стоять *j*, но *e* не может начинать слово. (Этому правилу не подчиняются междометия, и в частности дейктическое междометие *e* в различных сочетаниях.)

Таким образом, в позиции перед гласной фонемой *e* оппозиция мягких и твердых снимается; наличие оппозиции тем самым противопоставляется его отсутствию. Это отсутствие противопоставления (нулевая оппозиция) по сравнению с реализованной оппозицией выявляет сходство и различие двух членов нейтрализуемой оппо-

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, с. 79.

² A. Martinet, La phonologie du mot en danois. Paris, 1937, p. 32.

зиции. Как отметил Дурново и как это доказали Н. Трубецкой и А. Мартине, фонологическая оппозиция, которая нейтрализуется в определенных позициях, представляет собой явление, существенно отличающееся от постоянных оппозиций¹. Точно так же синкретизм морфологических форм в некоторых парадигмах или в некоторых грамматических категориях² или, наоборот, снятие противопоставления значений под воздействием определенного контекста — все это подчеркивает важность проблемы „нулевого противопоставления“ для лингвистики и для общей семиотики — науки, которая призвана исследовать сложные и причудливые соотношения между двумя переплетающимися понятиями — *знаком и нулем*.

¹ „Travaux...“, VI, p. 29 ff., p. 46 ff.

² Там же, с. 283 и сл.